

Мотив немоты в поэтическом цикле Вяч. Иванова «Итальянские сонеты»

В. В. КУЛЫГИНА

(ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Категория «немота» концептуально значима для художественно-философской системы Вячеслава Иванова. Поэт-мыслитель связывает «немоту» с языком Высших сфер, который старается сделать «слышимым» в своем творчестве.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, «немота», мотив, поэтический цикл, циклообразующие связи.

Motive of Dumbness in Vyacheslav Ivanov's Poetic Cycle «Italian Sonnets»

V. V. KULYGINA

(IVANOVO STATE UNIVERSITY)

Abstract: The category «dumbness» is conceptually significant for Vyacheslav Ivanov's art - philosophical system. The poet - thinker connects «dumbness» with the language of the Supreme spheres. He tries to make it «heard» in his creative work.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, «dumbness», motive, poetic cycle, connections forming a cycle.

«Молчание», «тишина», «немота» представляют собой семантические категории в религиозной, философской и художественной системах, где они традиционно связываются с иными мирами и Высшими сферами. В язычестве *молчание* — признак принадлежности к потустороннему миру (Агапкина); в религиозно-мистической традиции *тишина*, *молчание* — состояние первичности, предшествующее Божественному Творению, выраженному в Слове, и способ общения с Высшими сферами (Сеничкина, 2003: 70–74); в символистской литературе «немота», как отмечает А. Ханзен-Лёве, — «атрибут «беспредметного» божественного явления» (Ханзен-Лёве, 2003: 435).

Не удивительно, что особое место отводится «немоте» («тишине» и «молчанию») в художественно-философской системе Вяч. Иванова — основателя «реалистического символизма», цель которого сводится к тому, чтобы восходить от земного предмета к несказуемо-божественной сути, а затем нисходить опять к предмету-символу, который должен вызвать в сознании

«отзвук» божественного (Иванов, 1974а: 536–561).

О значимости названных категорий для художественной философии Вяч. Иванова говорит и то, что сам он одним из главных своих произведений считал стихотворение «Тишина», написанное еще в 1905 г. Лирическим откровением о «духовно определительном переживании», благодаря которому поэт «чтить привык / Святой *безмолвия* язык» («Младенчество»), представляется это стихотворение «совопроснице» Иванова О. Шор-Дешарт (Шор-Дешарт, 1971: 213):

С отцом родная сидела;
Молчали она и он.
И в окна ночь глядела...
«Чу, — молвили оба, — звон»...
И мать, наклонясь, мне шепнула
«Далече — звон... Не дыши!..»
Душа к тишине прильнула,
Душа потонула в тиши...
И слышать я начал *безмолвье*
(Мне было три весны), —
И сердцу доносит *безмолвье*
Заветных звонов сны. (Иванов, 1974с: 273).

* Кулыгина Виктория Викторовна — аспирантка кафедры теории литературы и литературы XX века филологического факультета Ивановского государственного университета. Эл. адрес: v_iablochco@mail.ru

В своих культурологических и философско-эстетических статьях Вяч. Иванов развивает мысль о том, что сущность мира не выражаема на простом человеческом языке и потому предстает для человечества «немой». В этих размышлениях Иванов продолжает традиции христианской теологии, и его мысли перекликаются с рассуждениями Оригена — одного из ранних христианских философов. Согласно представлениям Вяч. Иванова, задача художника — прозревать «сокровенную волю сущностей», о чем говорится также в статье «Две стихии в современном символизме» (Иванов, 1974а: 539). Таким образом, концептом-близнецом «немоты» в художественно-философской системе Иванова выступает «невидимость/незримость». Художник же, в представлении поэта, это не только «слух», но и «глаз, обращенный к иной, невидимой людям действительности» (Иванов, 1979b: 114), так рассуждает Иванов в философском очерке «О гении». При этом задача художника, пишет он, — «вещей обличение невидимых» (Иванов, 1974а: 557). «Обличение» сущности природы в силу ее *несказанности* возможно лишь на языке символов, а «символ только тогда истинный символ, когда он <...> изрекает <...> нечто неизглаголемое, неадекватное внешнему слову» (Иванов, 1971b: 713). На таком особом языке передают свои тайновидения все истинные художники, художники-символисты, верно почувствовавшие свою задачу: «прозревать и благовествовать сокровенную волю сущностей» (Иванов, 1974а: 539).

Мотив немоты характерен для всего творчества Вяч. Иванова, однако есть в его творческом наследии произведения, в которых этот мотив наиболее явственен. К числу таковых относится поэтический цикл «Итальянские сонеты», где «немые» называются различные явления природы и социокультурной реальности, и наблюдается разная степень градации «немоты»: «была беззвучна даль», «ника немота». Здесь мотив немоты является одним из циклообразующих, в связи с чем он особо значим для понимания основной идеи циклического целого.

Цикл «Итальянские сонеты» входит в первый сборник поэта «Кормчие Звезды», стихи которого являют миру, как отмечает О. Шор-Дешарт, «непреложные истины, вечные идеи, по которым человеческий дух направляет свой путь» (Шор-Дешарт, 1971: 41). Они же согласно представлениям Вяч. Иванова невидимы и неслышимы для обывательского глаза и слуха — отсюда и возникает мотив немоты, а также соседствующий с ним мотив незримости. «Немую речь» в своих «Итальянских сонетах» поэт связывает с языком ночи и морских волн: «За гулким зовом волн зияет ночь немая...» (Иванов, 1971а: 613).

В статье «Заветы символизма» ночь противопоставляется Ивановым дневному миру чувственных «проявлений» как мир «сверхчувственных откровений» (Иванов, 1974b: 591), потому они и «неизглаголемы» на человеческом языке, потому язык ночи «нем». Немота же здесь — не отсутствие сообщения, а его форма. «Неописуемость (размеров, глубины, мощи) моря соответствует его скрытности» (Ханзен-Лёве, 2003: 683), — фиксирует Ханзен-Лёве, отсюда безусловность немоты его речи, его «немые письмена». По Иванову, приобщиться к «вечным идеям», которые невидимы и неслышимы для обывательского глаза и слуха, то есть, как говорил сам поэт, дать «кровь Небытию», дать «голос Немоте» (Иванов, 1971с: 536), может художник как наследник творчества природы. Одного из таких художников Вяч. Иванов в своих «Итальянских сонетах» прямо называет «немым иерофантом сверхчеловечества», то есть старшим жрецом, ведающим тайнами Природы и потому обладающим ее «немой речью». Эту характеристику в цикле получает Микель-Анджело, который верил, что «глина сама слагается под его перстами в образ, которого она ждала» (Иванов, 1974а: 539), который, как того требует истинное творчество, согласно представлениям Вяч. Иванова «не налагал свою волю на поверхность вещей», а «прозревал их сущность» (Иванов, 1974а: 538). Очевидно, что таковыми же поэт считает и других «творцов», выведенных на художественную

сцену цикла: Рафаэля, Эсхила, Данте... В своих культурологических и философско-эстетических работах Иванов относит их к представителям провозглашаемого им «реалистического символизма», понимаемого как способ получения и передачи тайного знания о мире, приобщения к нему. Именно приобщения, потому что наше познание в соответствии с философией Вяч. Иванова — это по большей мере воспоминание, припоминание, о чем в своем «Римском дневнике» он напишет:

И поэт чему-то учит, <...>
Учит он — вспоминать.

(Иванов, 1979а: 592).

Так мотив немоты в тексте «Итальянских сонетов» связывается с мотивом «забвенных глаголов», то есть мотивом «воспоминания о Высшей реальности» («воспоминания Высшей реальности») посредством творчества, стоящего на границе с религией:

Но снились явственней забвенные глаголы,
Оливки горные, и свет, в ночи явлен...

(Иванов, 1971а: 616).

Само творчество сближается в «Итальянских сонетах» с мотивом *прозрений*, понимаемых как преодоление немоты/незримости. Особенно очевидно это в сонете «La stanza della disputa», посвященном фрескам Рафаэля, где изображенная итальянским живописцем на сводах ватиканской Camera della Segnatura Поэзия описывается следующим образом:

И дева светлая — одна из их числа —
Царит на троне туч, и Дафною священной
Чело возвышенных прозрений обвила...

(Иванов, 1971а: 622).

Без сомнения, сам Вяч. Иванов пытается сделать слышным в своем творчестве, в том числе в «Итальянских сонетах», голос «творящей Матери» — Природы. Он, выражаясь его же словами, утончает слух, чтобы слышать, «что говорят вещи», изощряет зрение, чтобы «научиться понимать смысл форм и видеть разум явлений» (Иванов, 1974а: 539).

Таким образом, Италия, которой посвящен рассматриваемый стихотворный цикл, для Иванова — это не только «культурная родина», «колыбель истории», «райский — поэтический, художественный — сад» (Бердяев, 1994: 367–371; Ваулина, 2000: 101–118; Цивьян, 2001: 29–39), каковой предстает она традиционно, но прежде всего отраженный свет высшей реальности. Об ожидании ее прозрения свидетельствуют образы «чаек» и «Майи», появляющиеся в первом сонете. По наблюдениям Ханзен-Лёве, «чайка извещает о появлении вожденной земли и поэтому оказывается в сфере пространственных ожиданий» (Ханзен-Лёве, 2003: 526). Однако соседство чаек с образом Майи — «вечной ткачихи чувственного мира» (Ханзен-Лёве, 2003: 83) — позволяет трактовать их образ в русле ожидания «открытия истинной реальности», противопоставленной изменчивому физическому бытию.

«Светоносный отблеск» мира иного, противопоставляемый *незримости*, поэт отмечает в великих произведениях искусства, прославивших Италию и ставших ее символами. Так в сонете, посвященном «Тайной Вечере» Леонардо, поэт прямо спрашивает читателя: «Ты зришь ли луч под тайной бранных линий?» Проявление Мировой Души, символом которой в тексте является Музыка, противостоящая немоте, отмечает автор во фресках Микель-Анджело (сонет «Сикстинская Капелла»). В сонете «Таормина» *онемевшей* называется оркестра разрушенного театра, и это не случайно: с хорovým действием Вяч. Иванов связывает возможность приобщения к Высшей реальности, а значит и прозрения ее через полифоническое единение индивидуальностей (субъективностей).

С уходом из культуры этого явления, воплощенным в образе разрушенного древнегреческого театра, «божественная беспредметность» становится немой для обывденного слуха, и оркестра, символически воплотившая собой возможность постижения «немого языка» Природы, сама *онемевает*. Для поэта, «обличающего» в своих

«Итальянских сонетах» тайну Природы, она — Природа — представляется, как пишет Иванов в статье «Две стихии в современном символизме», «всцело основанной на сокровенных соответствиях, родствах и *созвучиях* того, что мертвенному неведению нашему мнится разделенным между собой и несогласным, случайно-близким и безжизненно-немым...» (Иванов, 1974а: 547–548). Пафос космической идеи мира, по Иванову, заключается в трагедии его, мира, всеобъемлющей Разлуки, разъединении. Отражение пафоса и разрешение трагедии поэт-мыслитель видит, как справедливо отмечает Лена Силард, в мифе о страдающем и растерзанном боге: Озирисе, Дионисе, Христе (Силард, 2002: 54–101). Эти образы воплощают собой центральную идею цикла о мировом всеединстве всего мнимо разделенного, несогласного и безжизненно-*немого*. Немота же является одной из ступеней на пути как к пониманию этой ключевой идеи, так и к Высшей реальности, в этой идее воплотившейся.

Таким образом, очевидно, что наполненное глубокими метафизическими смыслами содержание «Итальянских сонетов» Вяч. Иванова раскрывается во многом благодаря мотиву немоты, который не только является узловой точкой в художественно-философской системе цикла, но и организует его единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапкина, Т. А. Молчание / Словарь языческой мифологии славян. URL: <http://www.swarog.ru/m/molchanie0.php>.
- Бердяев, Н. А. (1994) Чувство Италии // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М. С. 367–371.
- Ваулина, Е. (2000) Образы Италии в поэзии Николая Гумилева // Италия и русская культура : сб. науч. трудов. М. С. 101–118.
- Иванов, Вяч. И. (1971а) Итальянские сонеты // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 1. С. 612–624.
- Иванов, Вяч. И. (1971b) Поэт и чернь / Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 1. С. 709–714.
- Иванов, Вяч. И. (1971c) Творчество // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 1. С. 536–638.
- Иванов, Вяч. И. (1974а) Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 2. С. 536–561.
- Иванов, Вяч. И. (1974b) Заветы символизма // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 2. С. 588–603.
- Иванов, Вяч. И. (1974c) Тишина // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 2. С. 273.
- Иванов, Вяч. И. (1979а) Римский дневник // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 3. С. 584–644.
- Иванов, Вяч. И. (1979b) Споры // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 3. С. 111–135.
- Сеничкина, Е. П. (2003) Молчание: лингвистический аспект // Русский язык в России на рубеже XX–XXI вв. : материалы междунар. науч. конференции. Самара. С. 70–74.
- Силард, Л. (2002) «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб. С. 54–101.
- Ханзен-Лёве, А. (2003) Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб.
- Цивьян, Т. В. (2001) Образ Италии и образ России в последнем стихотворении Баратынского // Цивьян Т. В. Семиотические путешествия. СПб. С. 29–39.
- Шор-Дешарт, О. (1971) Введение // Иванов Вяч. И. Собр. соч. Брюссель. Т. 1. С. 7–227.